

Женщина на одно утро. Волшебная гора

Автор:

[Алиса Клевер](#)

Женщина на одно утро. Волшебная гора

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #7

Попав под проливной дождь, Даша, конечно же, простудилась. Но сильный жар и кошмарные сны – не худшее, что случилось с ней за последнее время в Париже. Посреди ночи ей позвонили из больницы Авиньона с ужасной новостью: ее мать, известная актриса Ольга Синица, находится в состоянии комы. Организовать экстренную транспортировку мамы в Москву могут только избранник Даши Андре Робен и его влиятельный брат Марко. Но Андре непросто расстаться с Дашей, а сама она еще не знает, что на их пути уже встала женщина с глазами, горящими ненавистью...

Алиса Клевер

Женщина на одно утро. Волшебная гора

– Я знаю, каково тебе, но нельзя победить свои страхи, убегая от них. Сделаешь это? Ради меня...

«В постели с врагом»

This could be the end of everything. So why don't we go, somewhere only we know?

Keane[1 - Быть может, это конец всему. Так почему бы нам не отправиться в место, известное лишь нам одним? (англ.). («Кин» – британская рок-группа).]

Настоящая свобода начинается по ту сторону отчаяния.

Жан-Поль Сартр, «Стена»

* * *

Его не было не больше получаса, но мне показалось, что прошла целая вечность. Мысли летали, оседлав миллионы нейронов, картины и образы сменялись в моем сознании с такой скоростью, что у меня кружилась голова. Во рту пересохло, хотелось пить, но в номере гостиницы, где мы оказались случайно, чистой питьевой воды не было. В кувшине плавал уничтоженный Андре телефон – доказательство его доверия. Иногда можно показать свои чувства, уничтожив дорогую электронную игрушку. Забавная игра, ирония или, скорее, полная глупость, но мне, действительно, после этого акта вандализма стало немного легче. Если уж опускаться в пучину, то без страховки. Падать, не надеясь, что внизу, в метре от асфальта кто-то растянет парусиновый тент.

Сама не знаю, почему, но я дрожала всем телом и боялась снова выйти на открытую террасу на крыше. Мне казалось, что женщина в длинной темной одежде все еще стоит на площади, и в то же время было ощущение, что я вообще не видела ее, что она просто померещилась мне – результат причудливой игры моего воспаленного воображения. В конце концов, какое ей может быть дело до меня, кто я ей? В этой маленькой гостинице мы оказались случайно, я повторяла это себе, пытаюсь найти дорогу к собственному разуму. Случайно. Весь вчерашний день был цепью случайностей, от звонка моей матери до того, как я бежала, наплевав на дождь, как мы с Андре промокли до нитки, стоя посреди этой маленькой площади – безмолвные любовники, кричащие враги, запутавшиеся души. Этот отель – просто обломок, на котором мы оказались после кораблекрушения. Кто мог следить за нами? Кто бы стал следить за мной?

Конечно, показалось. Я уговаривала себя, заваливая аргументами, и пыталась было снова выйти на крышу, чтобы развеять морок. Но стоило мне приблизиться к дверям террасы, как липкие, холодные щупальца страха останавливали меня, и я начинала бояться, что Андре не вернется, что с ним что-то случилось. Начинало казаться, что его нет слишком долго. Сколько времени нужно, чтобы купить пару бутербродов?

А ведь я даже не могу ему позвонить! Разве не глупость – утопить телефон?

Андре пришел, когда я уже почти поверила в то, что схожу с ума. Он открыл дверь белой электронной карточкой и зашел в темную комнату, где нашел меня, завернувшуюся в одеяло, лохматую, с темными кругами под глазами, перепуганную настолько, словно под нашей гостиничной кроватью завелся бугимен.

– Что-то случилось? – спросил он, глядя на меня с подозрением, его лицо выражало целую гамму сомнений. Андре включил свет, и я закрыла лицо ладонями, совсем как вампир, попавший под солнечные лучи.

– Нет. Не знаю, – я покачала головой, совсем не уверенная в том, что о моем призраке с площади стоит рассказывать. Единственное, чего я сейчас хотела по-настоящему, это убраться из гостиницы, подальше от этого места, куда-то, где я смогу почувствовать себя спокойно. Если такое место вообще существует... тут, в Париже. В России я бы поехала на дачу к Шурочке, маминой верной подруге, вытащила из-под сарая моего кота Костика, по которому я скучала, кажется, больше всех, и прижала бы к себе, наплевав на его возмущенное мяуканье. Да, возможно, за это мне пришлось бы расплачиваться исцарапанными руками, но это меня никогда не останавливало. Дача находилась невыносимо далеко, но в этом была своеобразная ирония – я устала от Парижа и мечтала о тазах со свежесобранными грибами. Меня не пугали леса, меня пугали старинные площади, выложенные камнями, по которым, быть может, когда-то ходил сам Гюго.

– Ты выглядишь так, будто провела год в подземелье! – пробормотал Андре с кривой усмешкой на губах. – Я и не думал, что ты можешь быть еще бледнее, но ты всегда найдешь способ меня удивить.

- Издеваешься? – Я задрожала всем телом, и Андре, заметив это, подсел ко мне и внимательно посмотрел в глаза.
- С тобой что-то не так. Посмотри, у тебя ледяные руки, ты буквально слилась с этим одеялом. Даша, что случилось, пока меня не было? Ну, скажи мне? Почему ты никогда ничего мне не говоришь? Тебе позвонили?
- Откуда? И как, если мой телефон валяется у тебя в квартире, а твой – плавает в местном кувшине. Андре, у меня разболелась голова, вот и все. Я... я хочу уехать отсюда.
- Уехать? – усмехнулся он, чмокнув меня в нос. – Ты сидишь посреди постели, замотанная в тридцать три одеяла, и рассказываешь мне, что опять хочешь куда-то бежать? Ты можешь хотя бы ночь провести на одном месте? Чем тебе не нравится здесь? Да, мебель, конечно, так себе...
- И бог знает, кто еще кувыркался на этой кровати до нас, – добавила я, кивая на явно выдавший лучшие дни покров, который мы сбросили на пол.
- Кувыркался? – Лицо Андре вдруг засветилось. Так бывало, когда его серьезность сменялась шаловливой улыбкой. Это случалось нечасто, обычно Андре оставался возмутительно серьезным и сосредоточенным, даже непроницаемым. Под его взглядом я часто чувствовала себя маленьким белым кроликом в большой холодной лаборатории. Только Андре мог заниматься со мной любовью так, будто ставил научные опыты. Но когда он улыбался – вот так, как сейчас, без сарказма, без скрытого глумливого подтекста, по-мальчишески взъерошивая свои темные волосы, он становился моложе и сиял, как ночной светлячок.
- Мне не нравится тут, не могу объяснить, что именно.
- Да уж, объяснить это будет непросто. Знаешь, за ночь в таком месте люди душу готовы продать. Увидеть Париж и умереть.
- Боюсь, что в нашем случае, это звучит буквально, – нахмурилась я, снова вспомнив печальные обстоятельства, которые привели нас сюда, на крышу этого старинного дома. Сережа исчез, о нем так и не появилось никаких известий, и в

комнате снова повисла тяжелая пауза. Призраки сидели рядом с нами на постели, и от этого становилось неуютно.

– Давай хотя бы поедим. Я ведь принес тебе крок-месье, это, если ты не знаешь, один из моих любимейших бутербродов. Очень простое блюдо: сыр, ветчина, хлеб...

– Зачем ты перечисляешь ингредиенты? – удивилась я. – Ты что, принес своего «месье» в разобранном виде?

– Нет-нет, – покачал головой Андре, метнувшись к оставленным у входа пакетам. – Совершенно готовый и даже горячий бутерброд. Просто я подумал... когда ты уже решишь сказать мне «да» и стать моей женой, тебе понадобится информация о том, что я люблю, а что – нет. Ведь ты же будешь мне готовить?

– Еще чего! – возмутилась я. – Если я и выйду замуж за богатого француза, то только для того, чтобы больше никогда ничего не делать. Разве что красить ногти и периодически менять форму губ. Иначе зачем мне брать в мужья пластического хирурга.

– Значит, ты – типичный голд-диггер? – рассмеялся Андре. – А я-то надеялся... Ладно, что ж поделать. Но губы мне твои нравятся такими, какие они есть. И все в тебе мне нравится, и никогда, ни за какие деньги и ни за какие блага я не соглашусь изменить тебя ни на миллиметр. Только если... вот, я принес еще пару меренг, хотя их я брал больше для себя. Твои губы будут сладкими, а дыхание – как веточка ванили.

– Ты собираешься меня съесть? – покачала головой я. – Тогда тебе стоило бы захватить кетчуп.

– Иногда ты такое скажешь, что мне хочется наподдать тебе по... неважно.

– Наподдать мне по «неважно»? Хотела бы я на это посмотреть, – фыркнула я, а затем скинула одеяло и перевернулась на живот, предоставив Андре любоваться упомянутой частью тела. Я потянулась и достала из пакета завернутый в плотную бумагу бутерброд. Он действительно был еще теплым и очень нежным. Я поняла вдруг, что успела чудовищно проголодаться за этот бесконечный день, который никак не хотел кончаться. Через несколько мгновений я почувствовала,

как теплая мужская ладонь прикасается к моей спине. Я изогнулась, постаравшись сосредоточиться на бутерброде, но это стало куда сложнее. Андре нежно провел пальцем по позвоночнику – медленно, прикасаясь к каждому позвонку, замедляясь по мере продвижения вниз, к «кошачьему месту». Я сжала ноги и невольно напряглась, изо всех сил стараясь не повернуться, не дернуться, выдержать «пытку».

– Что же ты не ешь, моя птичка? – спросил Андре шаловливым тоном. – Тебе не холодно?

– Ужасно холодно, – кивнула я, переворачиваясь к Андре. Я не выдержала, конечно. Бутерброд остался лежать на бумажке, на тумбочке. Андре достал из пакета белую, похожую на вспененный мел меренгу, отломил кусочек и поднес к моим губам.

– Попробуй, тебе понравится, – прошелестел он, и я послушно открыла рот. Воздушная сладость моментально растворилась на языке, но еще раньше, чем это произошло, Андре накрыл меня своим телом, завладел моими губами, желая попробовать на вкус. Он провел своим языком по моему и промурлыкал что-то удовлетворенно.

– Значит, любишь сладкое? – улыбнулась я, и он поцеловал мою улыбку. – Андре, у тебя одежда до сих пор сырая. Ты не боишься простудиться?

– Намекаешь, что мне неплохо бы раздеться? Если хочешь увидеть меня голым, так и скажи, Даша. Зачем же маскировать это под заботу о моем здоровье?

– А что я не могу волноваться взаправду? Тоже мне, теоретик. Да я – само милосердие.

– Значит, ты не хочешь меня? – удивился он и привстал, облокотившись на кровать. – Скажи это, глядя на меня своими прекрасными глазами.

– Заметь, честными глазами!

– О, да, честность – залог успеха, не так ли, Даша? Значит, ты не хочешь меня? – спросил он, склонив голову набок. – Я ранен в самое сердце.

– Значит, в сердце? И где же в таком случае оно у тебя находится? – рассмеялась я, протянув руку к темным волосам Андре. Они были тоже чуть влажными, видимо, на улице снова начался дождь. Его темные, медовые глаза блестели, он не сводил с меня взгляда – мой красивый, непредсказуемый любовник, чье мужественное лицо так пленяло меня. Я всматривалась в него, пытаюсь запечатлеть образ: правильные строгие черты, красивая линия губ, притягательное ощущение силы и власти. Сколько нежности в еле заметных движениях губ, сколько опасности в напряжении скул. Я уже чувствовала желание, оно появлялось всегда, если я оставалась рядом с Андре дольше, чем на минуту. Это как химическая реакция, возникающая между нашими телами, помещенными в один сосуд. Он знал это, прекрасно знал, что мое тело в любой момент готово предать меня ради манящих своей неизвестностью смутных, невысказанных обещаний.

– Мое сердце... тут, – Андре взял мою ладонь и просунул ее под влажную рубашку, приложив к своей груди. Его тело было горячим, я чувствовала стук сердца. Андре склонился ко мне, но в это самое мгновение сильный удар ветра распахнул неплотно прикрытую дверь террасы, и в комнату ворвался холод. Я дернулась всем телом, невольно испугавшись резкого звука, и повернулась на шум. Я всматривалась в темноту, боясь, безо всяких на то причин, что оттуда войдет та самая женщина с площади – может, с ножом в руках. Совершенно иррациональный страх был тем не менее совершенно реальным, осязаемым – я раскрыла рот, но не смогла закричать.

– Господи, да что с тобой? Ты словно привидение увидела! Что случилось? Там никого нет. – И Андре поднялся, направившись напрямиком к двери на террасу.

– Нет! Не ходи! – вскрикнула я, но он не послушал меня, вышел наружу, а через секунду вернулся.

– Видишь, никого нет. – Он плотно закрыл дверь, вывернув ручку до конца. – Сережу своего увидела? – Губы Андре были плотно сжаты, он смотрел на меня недовольно и раздосадованно. Вдобавок ко всему, что произошло сегодня, не хватало еще, чтобы я начала терять рассудок.

– Нет, – покачала я головой. – Никого не увидела. Это просто ветер. Мне не нравится здесь, я же говорила тебе. Может быть, это из-за того, что дом слишком старый. Я никогда еще не занималась любовью в старинном замке.

– Поверь, в этом доме нет ничего от замка, моя дорогая, – вздохнул Андре. – Я понимаю, ты видела в жизни мало замков. Я покажу тебе потом... Ладно, собирайся, Даша. Я вызову такси.

– Серьезно? – спросила я, удивляясь неожиданной сговорчивости. Андре кивнул, обнял меня, как ребенка, и прижал к себе.

– Ты уже и меня заставила верить в привидения. Я хочу домой.

* * *

Возможно, дело было в погоде – она испортилась быстро, хотя до этого дня довольно долго радовала солнечными деньками. Мне иногда казалось, что я нахожусь в Париже целую вечность и что тут никогда не бывает другой погоды, кроме ослепительно яркой, переливающейся зеленым на голубом жары. Ветер усилился, он чуть не вырвал пакет из моих рук, когда я садилась в такси. Консьерж посмотрел на нас, как на сумасшедших, когда мы, не оставшись в номере даже на ночь, вдруг заявили, что съезжаем. Не исключено, что он принял нас за преступников или каких-нибудь темных личностей и побежал проверять свой люкс на предмет следов от наркотиков или чего-то вроде этого. А иначе для чего нам еще мог понадобиться дорогуший номер на такой короткий срок?

– Ты как? – спросил Андре, помогая мне сесть на заднее сиденье машины. – Не нравишься ты мне, Даша.

– Ты называешь меня по имени только когда зол, – сказала я. – Злишься на меня за то, что я попросила тебя уехать?

– Я не злюсь на тебя, – покачал головой он, снова прижимая меня к себе. Будто пытаюсь защититься от чего-то. – Меня не покидает странное чувство, что ты что-то скрываешь от меня. Оно уже стало частью меня, потому что никогда невозможно знать наверняка, когда ты говоришь правду, а когда нет. Я ни в чем не могу быть уверен, и это меня злит. Это как предчувствие, которое невозможно ни объяснить, ни стряхнуть.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – кивнула я.

– Да? Тогда все обстоит даже хуже, чем я думал, – кисло улыбнулся Андре, а затем постучал по пластиковой перегородке, чтобы объяснить водителю, где именно тому следует притормозить. Я не узнавала улиц, ночью они выглядели иначе или, может быть, мы подъезжали к дому с другой стороны, но для меня момент, когда мы остановились около кованых ворот, стал полнейшей неожиданностью. Мы ехали не больше десяти минут. Значит, не так уж далеко я убежала от места наших горестных переговоров, где Марко пытался защитить интересы своего брата-извращенца. Подумать только, я кричала, чтобы он, Андре, купил себе на мои деньги новые наручники! От одного воспоминания об этом к лицу прилила кровь и мои щеки покраснели, в висках застучало.

Такую любовь принято скрывать.

– Пойдем, тебе нужно хорошенько выспаться, – Андре бросил недовольному водителю несколько купюр и подал мне руку, помогая выйти. Я чувствовала себя бесконечно уставшей, какой бывала после нескольких дней авральной работы, когда страницы текста начинают сливаться, а смысл переводимых строчек – ускользать, и мозг перегружен настолько, что сложно даже уснуть. Усталость, когда нервы напряжены до предела – так, что любая ерунда может вызвать истерику. Я не так уж часто попадала в такие ситуации. Моя жизнь, которая до встречи с Андре была вполне размеренной и упорядоченной, вдруг изменилась настолько радикально, что теперь я, ловя свое отражение в витринах, перестала узнавать себя. Я с интересом разглядывала себя в зеркале лифта, пытаюсь выразить словами те изменения, что произошли со мной. Я стала другой. Иной. Помимо этого, на запястьях все еще виднелись следы от наручников, и ужасно болели мышцы на ногах, словно я целый день провела в спортзале. Но я была не в спортзале, я была с Андре. С ним всегда хотелось быть рядом.

– Ты еле стоишь на ногах, – заметил Андре. – В других обстоятельствах я бы не преминул воспользоваться этим, но не сегодня. Seriously, Даша, я требую, чтобы ты меня слушалась, как и положено женщине. Ты должна отдохнуть. Слишком много потрясений для одного дня.

– Такой благородный! – удивилась я, чуть расстроившись. Эта моя постоянная потребность в его теле, ласках, поцелуях удивляла и пугала меня. Наш ночной портье не так уж ошибся, если искал следы наркотиков, просто не о том

подумал. Мой источник эйфории стоял рядом со мной в лифте и играл моими волосами. Можно ли назвать любовью мою почти наркотическую зависимость от Андре? Мы вошли в квартиру, которую я без каких-либо к тому оснований называла теперь своим домом.

На полу в прихожей валялся мой разрядившийся телефон, повсюду были разбросаны вещи – следы произошедшей утром драмы, от которой у меня не осталось ничего, кроме поблекших воспоминаний. Мы оба были глупы и полны подозрений. Отчего они вдруг исчезли? Я не могла сказать точно, почему, но я больше не подозревала Андре ни в чем. А может, – и я вздрогнула, когда поняла это, – меня больше не интересует, куда исчез Сережа. Я осталась с Андре не потому, что он невиновен, а потому, что меня больше не волнует вопрос его вины. Андре ушел в глубь квартиры, чтобы включить свет. После этого страх, затаившийся в темных углах, рассеялся.

– Вот увидишь, завтра все будет куда лучше, чем сегодня. Как говорят, утро вечера мудренее, – крикнул мне Андре. – Хорошая русская пословица, по-моему.

– Ты думаешь? Это будет что-то вроде Матрицы, да? Перезагрузка? – спросила я, поднимая с пола телефон. В самом деле, почему бы и нет. Разве я не вела себя по-детски? Нужно было сразу рассказать Андре про женщину на площади. Он посмеялся бы надо мной и сказал, что у нас с мамой это семейное – видеть то, чего нет. Но уже поздно.

– Иди сюда, птица. Я поставил чайник, сейчас заварю нам чай, – его голос звучал так мирно, по-домашнему, а с кухни доносились разные приятные звуки – бряцанье тарелок, чашек, вилок-ложек. Хлопали дверцы полки. Домашний мир и покой.

– Ты что стоишь тут? – спросил он меня, когда обнаружил, что я по-прежнему торчу в прихожей.

– Мне даже идти лень, – призналась я. – Кажется, я так устала, что даже уснуть не смогу.

– Ну дожили, – рассмеялся Андре. – Иди-ка, поиграем в старую игру. Помнишь, как я запрещал тебе сходить с этого дивана? – И Андре указал на большой ярко-

красный островок посреди его прекрасной светлой гостиной.

Да, я помню, как сидела на диване, горящая от неизвестности, с расстегнутой блузкой. Сейчас я упала на него, как подбитый самолет. Андре поставил мой телефон на зарядку, а сам ушел на кухню. Не шевелясь, я глядела на этот мир, повернутый на девяносто градусов: на ноги Андре, обнаженный торс, чашку в его руках и легкий дымок над нею. Чашка – для меня, и белая овальная таблетка – тоже.

– Что это? – заволновалась я.

Андре покачал головой и пригрозил мне пальцем.

– Снова это черное недоверие? Я врач, мне же лучше знать! Ну? Открывай-ка ротик. Это чтобы ты смогла отдохнуть. Только сегодня. Или боишься, что я тебя отравлю?

– Я уже отравлена – тобой. Если бы я была в норме, то давно находилась бы у себя дома, разве нет? – спросила я без тени улыбки. Приняв из его рук таблетку, я запила ее и сразу же обожглась горячим чаем.

– Ты чего, я бы сейчас воды принес. Господи! – Андре принялся причитать и дуть на мой язык, прямо в мой открытый рот. Я обожглась несильно, совсем чуть-чуть, но Андре целовал меня и причитал надо мной так, словно случилось нечто ужасное. Мне это нравилось – чувствовать себя такой бедной-несчастной, принимать поцелуи. Потом Андре потребовал, чтобы я немедленно разделась и отправилась в кровать, на что я сонно ответила, что раздеться я, определенно, готова, но только с его помощью. Или, еще лучше, пусть сам меня раздевает, если ему так надо.

– Ого, кажется, таблетка действует, – улыбнулся Андре, и я подумала, что полностью одобряю его методы лечения, что, наверное, делает меня уже окончательной наркоманкой. Наркоманкой-нимфоманкой. Я попыталась сказать ему об этом, но мой контроль над телом оказался утерян. Тягучее молочное облако опустилось и вобрало меня в себя, незаметно окутав. Я чувствовала, что становится все теплее, а затем стало так жарко, будто я лежала на углях. Я крутилась, пытаюсь сбросить это ощущение, ускользнуть от пытки, но реальность вдруг изогнулась, как это бывает, когда смотришь на что-то сквозь

пламя костра. Вдруг послышались крики, и я увидела бегущую на меня разъяренную толпу людей в лохмотьях с неразличимыми лицами. Толпа негодовала, все кричали, махали палками и факелами.

Каким-то шестым чувством я понимала, что это лишь сон.

Похоже, я была ведьмой и парила над людьми, забрасывая их камнями. Однако камни летели обратно, а меня постоянно тянуло вниз, к этой разгоряченной, полной ненависти толпе. И тут я заметила среди них лицо Сережи. Один лишь он стоял без движения, и молча смотрел на меня. Сережа был похож на восковое изваяние, и мне казалось, что стоит только поднести к нему факел, как он начнет таять, а затем и вовсе исчезнет. Именно этого я и желала.

– Вернись! – слышу я чей-то голос, но он не принадлежит человеку, это крик чайки, и вот – я лечу над морем, я птица. У меня сильные крылья, одного хорошего взмаха достаточно, чтобы подняться еще выше над серо-зеленой толщей воды. Ощущать себя в птичьем теле странно и непривычно. Я чувствую оперение, могу управлять им, расправляя перья и пропуская между ними воздушные струи, парить под облаками. Чувство восхитительное, и мне хочется лететь все выше и быстрее, я ищу своих – тех, кто звал меня по-птичьи. Я понимаю птичий язык, знаю, что пора улетать, но на моей лапке – серебристое тяжелое кольцо с маркировкой. Оно мешает мне, тянет вниз, словно кто-то поднял к небу огромный магнит. Я лечу камнем вниз, стремительно приближаясь к темно-зеленой толще воды. И прекрасно понимаю, что, если не сумею затормозить, разобьюсь насмерть.

Я кричу, как оглашенная, и вот – снова стою среди толпы. Ноги мои босы и грязны, а земля горяча, словно под ее поверхностью клокочет действующий вулкан. Движущаяся толпа – многочисленная и совершенно неуправляемая – пугает меня. Люди кричат, женщины прижимают к себе детей. Если я упаду, меня затопчут. Я здесь, чтобы найти Андре. Уверена, он где-то поблизости, среди этих людей. Я всматриваюсь в лица, заглядываю под платки, отодвигаю факелы, отскакиваю от хохочущих грязных мужчин с гнилыми зубами. Андре нигде нет, и я теряю надежду. Ноги мои тяжелы, руки свисают плетями. Я не

сопротивляюсь, когда толпа подхватывает меня под мышки и несет куда-то, хватая за запястья, стягивает их тугими кожаными шнурами.

– Нет, не надо, пожалуйста! Андре! – Я умоляю людей не трогать меня, мне страшно, теперь по-настоящему, потому что я знаю, что мне не будет пощады. Я боюсь всего, что может случиться, боюсь того, что уже случилось и о чем я успела позабыть, а теперь пытаюсь вспомнить. Чьи-то руки безжалостно срывают с меня одежду. Я стою – босая, почти нагая, простоволосая, со связанными руками. Меня приматывают к столбу, и люди тычут в меня пальцами, смеются, глумятся и показывают неприличные жесты. Но тут среди них я замечаю одну – в длинной черной одежде, с замотанной головой. Не человек – ведьма, я узнаю ее по глазам и понимаю, что она, прикрытая платком, смеется надо мной. Смеется, как победитель. Она подходит ближе, я начинаю кричать и... просыпаюсь от собственного крика.

В квартире было темно и очень тепло, даже жарко – видимо, Андре включил отопление на полную мощность. А еще очень тихо, и это мне не нравилось. Перед моими глазами все еще стояли черные, полные ненависти глаза.

– Она тебе приснилась, глупая! – сказала я себе, и эта мысль немного успокоила. – Андре! – тихонько позвала я, не до конца понимая, где нахожусь – во сне или наяву. Грань между реальностью и наваждением стала почти неразличима. Наверное, это из-за таблетки. Андре не ответил, похоже, его не было рядом. Я села и огляделась по сторонам. Я одна, на диване. На мне лишь трусики и большая футболка. Кто-то накрыл меня толстым одеялом, но я почти полностью сбросила его на пол, пока спала. Сидеть было сложно, кружилась голова. Я снова позвала Андре и услышала звонок. Вскоре до меня дошло, что звонит мой телефон. Плохо слушающимися руками я потянулась к аппарату. Казалось, прошла целая вечность, пока я отцепила телефон от провода и нажала на зеленую иконку приема.

– Алло? – отозвалась я и не узнала своего голоса.

– Мадмуазель Синица? – спросил незнакомец. Голос мужской, немного грустный, но больше равнодушный.

– Да, слушаю вас, – ответила я, и отчего-то вдруг мое сердце понеслось вскачь.

– Я звоню по поводу вашей матери.

* * *

Со мной творилось что-то неладное. Я с трудом держалась на ногах, мир вокруг кружился и проскальзывал, словно я была на большом корабле, попавшем в шторм. Сосредоточиться никак не удавалось, что-то важное ускользало от меня. Я шла по комнате в темноте, шатаюсь и ударяюсь обо все предметы, которые попадались на пути, даже перевернула стул, потому что так и не смогла найти выключатель. После долгих, мучительных усилий вспомнила – я в квартире Андре. На то, чтобы восстановить в памяти его лицо, у меня ушли почти все силы. Конечно, ведь это он снял с меня одежду и укрыл толстым, удушающе жарким одеялом – прямо в гостиной, на диване, который сегодня ночью превратился для меня в обитаемый остров посреди скользкого и неустойчивого желтого паркета.

– Андре! – попыталась крикнуть я, но вместо этого из моего нутра вылетел какой-то жалкий хрип. Я зашлась в диком кашле, и головокружение заставило меня опуститься на пол. Хотелось надеяться, что все это лишь продолжение сна, но мне было плохо по-настоящему. Это чувство – не эмоция, не воспоминание, не ощущение, смутно переплетенное с миллионом других, неуловимых, как это бывает во сне, когда ты бежишь по полю и сразу же после этого оказываешься стоящей посреди незнакомого города. Мне было физически плохо и так жарко, что хотелось снять с себя кожу. Я не могла понять, куда делся Андре, но помнила, что мне звонили и что с этим нужно срочно что-то делать. С мамой что-то случилось. Она заболела. Я не очень-то поняла, что мне пытались сообщить. Мой французский подвел меня, когда в речь вплелись незнакомые медицинские термины. Страх лишил меня слов, а головокружение мешало отделить реальность от вымысла. Я не запомнила, чем кончился разговор. Придя в себя, обнаружила, что лежу на полу, а рядом – телефон. Я пыталась найти Андре, но запуталась в темноте его комнат. Хотела открыть окно, и через какое-то время стало настолько холодно, что зуб на зуб не попадал, но, когда я попыталась исправить это, оказалось, что все окна закрыты. Я закрыла их? Андре? Женщина с черными глазами? Все происходившее со мной в ту ночь я осознавала с трудом. Уверена, что-то мне померещилось, а что-то случилось взаправду, вот только сказать с точностью, что именно, я никак не могла.

Андре вернулся поздним утром, около одиннадцати часов. Он принес коробку, в которой дымился горячий завтрак, купленный в кафе напротив нашего дома. Андре открыл дверь и нашел меня без сознания, лежащей на полу в прихожей, прямо около двери.

– Ох ты, господи, Даша! – закричал он так громко, что я очнулась. Его возвращение, запах еды, от которого меня чуть не вывернуло наизнанку – первое событие, в реальности которого я была уверена. Ладонь Андре была приятно холодной – он приложил ее к моему лбу. – У тебя жар!

– Поиграем в «горячо-холодно», – пробормотала я, вытягиваясь навстречу его рукам, наслаждаясь их прохладой.

– Почему ты лежишь на полу? – спросил Андре, голос звучал немного глухо, как из погреба, но слышала я все четко. – Даша! Ответь мне!

– Не знаю, – пробормотала я, не будучи уверенной в том, что произнесла это вслух. Возможно, эти слова прозвучали только в моей голове. Андре подхватил меня, и я почувствовала себя безвольной тряпицей в его руках, не способной даже приоткрыть глаза. Кажется, никогда в жизни я не была так слаба.

– Я дурак, идиот! Баран! – Андре был зол. Но злость его была наполнена волнением и беспокойством за меня. Я снова лежала на чем-то мягком, замотанная в одеяло. К моим губам поднесли стакан воды. – Пей, Даша, пей. Господи, как ты умудрилась простудиться? Надо вызвать врача.

– А ты? Разве ты... не врач? – удивленно прошептала я, пытаюсь разлепить сонные веки. Я хотела посмотреть на Андре, мне это было нужно, как новая точка отсчета. Он отошел от меня, и эта пустота, так измотавшая меня ночью, теперь стала совсем непереносимой. Я простонала, но знакомые руки тут же снова обняли меня.

– Открой рот, птичка ты моя глупая. Простудилась, как ребенок. Не хотела идти в школу? – Он говорил ласково, пока я держала во рту электронный градусник. Когда он пропищал, Андре вынул его и присвистнул. – Ничего себе!

– Что, все так плохо? – попыталась улыбнуться я.

– Жить будешь, но температура высокая. Почти сорок, Даша. С этим не шутят. Нужно отправить тебя в больницу.

– Я не хочу в больницу. Я... не могу, – трудно было сказать, что именно вызвало мой испуг, – перспектива остаться без Андре в какой-то неизвестной, безликой медицинской палате, или что-то другое, смутно мелькающее в моем сознании.

– Дам тебе жаропонижающее, а там посмотрим. Черт! Мне не стоило уезжать. Я же видел, в каком ты состоянии... Но я думал, ты проспишь до утра.

– Фактически я и проспала, – ввернула я со слабой ухмылкой.

– Ага, на полу, полуголая. Как ты себя чувствуешь, расскажи мне, – Андре снова положил свою тяжелую, потеплевшую ладонь мне на лоб, и я, наконец, разглядела его взволнованное, безмерно прекрасное, любимое лицо. Мое состояние оставляло желать лучшего, зато чувства обострились до предела. Нежность, страх, беспокойство, ощущение того, что весь мир катится в тартарары, – все это переполняло меня, и от этого коктейля эмоций мне хотелось плакать, уткнувшись в восхитительно сильную, пахнущую лекарствами и духами грудь Андре, хотелось уснуть. Но что-то говорило мне строгим ледяным голосом, что спать нельзя. Спать нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Быть может, это конец всему.

Так почему бы нам не отправиться в место, известное лишь нам одним? (англ.).
(«Кин» – британская рок-группа).

Купить: <https://tellnovel.com/alisa-klever/zhenschina-na-odno-utro-volshebnyaya-gora>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)